

Феликс Кохрихт, Ариадна Сауленко

Софиевская, 13

Феля

Называю себя детским уменьшенным именем – так меня звали с рождения. Я и Ариадна (дома – Ада), мой соавтор в этих записках, – дети войны.

Еще несколько месяцев назад я полагал, что уже не осталось ни одного человека, который бы дышал со мной одесским воздухом во дворе дома № 13 по улице Софиевской. Но вот окликну-

Софиевская, 13

ла меня на Базарной женщина: «Вы – такой-то?» – «Да». – «Фамилия Курносовы вам что-нибудь говорит?» – «К сожалению, нет».

Оказалось, что Ариадна Георгиевна Сауленко и я родились перед войной с разницей в несколько месяцев (в ее пользу), что наши мамы вывозили нас в колясках из ворот углового дома, поворачивали на Торговую и медленно спускались к парпету, откуда открывался вид на море...

Продолжались эти безмятежные прогулки, увы, недолго. Началась война. Ада рассказала, что ее мать Антонина Константиновна Курносова и бабушка Евгения Георгиевна Тарасова до самой своей смерти не могли забыть о том, как дворник соседнего двора выдал оккупантам мою бабушку...

Об этом – в записках Ады. Она написала их по моей просьбе. Перед нами история замечательной одесской многонациональной семьи – со славными предками, заслугами перед городом и людьми. Типичные одесситы – лучше не скажешь, но как же мало их осталось...

Я решил не делать в заметках Ады никаких правок, даже стилистических. Лишь один трагический факт требует уточнения. Наша семья до революции была одной из самых состоятельных в городе, владела ювелирными магазинами. В 19-20-м годах минувшего века одна ветвь (мой отец Давид Израилевич Кохрихт, его мать (моя бабушка) и братья с семьями остались в Одессе и разделили все невзгоды и тяготы их поколения. Другие носители фамилии уехали во Францию и вели там привычную жизнь.

Но по чудовищной логике фашистов евреи должны были быть уничтожены повсюду – и в Париже, и в Одессе, независимо от возраста и социального положения.

Тетя отца, Софья Кохрихт, была яркой личностью, она управляла семейным бизнесом, и в эмиграции жила в достатке, считала себя почти что француженкой, но это ее не спасло – она погибла в концлагере семидесяти с лишним лет отроду.

Ее ровесница, моя бабушка Катя, скромно жила в Одессе в семье одного из сыновей. Мой старший брат и отец утром 22 июня 1941 года отправились в военкомат, мама со мной на руках ушла пешком в Николаев за день-два до того, как вокруг города замкнулось кольцо блокады. Бабушка и семья моего дяди не успели вырваться.

О ее мученической гибели – в записках Ады. Знаменательно, что она спутала имена страдалиц, но судьбы их оказались до боли схожими.

И еще вот о чем. Мы вернулись из эвакуации в Одессу в сентябре 1944 года и сразу отправились с Товарной станции, куда приходили теплушки, домой – на Торговую. Мне было почти пять лет, и я кое-что помню. Помню, как мы поднялись по лестнице на третий этаж, вошли в открытую дверь, увидели рабочих, беливших потолок. Краску они разводили в моем ночном горшке (рассказала мама) и очень старались. Не знаю, кто персонально из членов семьи высокопоставленного деятеля, захватившего нашу квартиру, нас с треском прогнал. Да и какое это имеет значение?

Летом 45-го в свой первый отпуск приехал из Берлина мой брат Аба – гвардии старший лейтенант артиллерии, кавалер орденов и медалей Абрам Кохрихт 1923 года рождения, как и я, родившийся в старом одесском доме. Отсюда он ушел на фронт и сюда же хотел вернуться. Он взвел пистолет ТТ и пошел разговаривать с захватчиками... К счастью, отец его перехватил и увел по Торговой вверх, на угол Садовой, и там они засели в бодеге (так назывались оставшиеся на какое-то время с румынских времен кабачки, где подавали водку, бессарабское вино и закуску). Я участвовал в этом горьком застолье – пил самодельный лимонад из американского порошка...

Больше никто из нашей семьи в дом № 13 по улице Софиевской не заходил...

У меня не осталось фотографии бабушки Кати – весь семейный архив погиб во время войны. Знаю, что в молодости у нее были золотые длинные, до пола, волосы, которые и пленили моего деда – наследниа состояния, и он женился на бесприданнице.

Ада Наш дом

Читая интереснейшую книгу одесского краеведа О. Губаря «Старые дома и другие памятные места Одессы», и в частности, о недавно сгоревшем доме Русова, я вспоминаю свое детство

и незримую духовную связь с одной из родственниц А.П. Русова – его двоюродной сестрой по матери Евгенией Георгиевной Тарасовой (Георги). Она при жизни Александра Петровича и после его кончины была управляющей его домами № 13, № 11, № 9 по ул. Софиевской. Кстати, сама я родилась в доме № 13, а выросла в доме № 9 по ул. Софиевской.

Дома А.П. Русова по ул. Софиевской являются памятниками архитектуры нашего города. Они были построены А.П. Русовым в конце XIX века специально для сдачи квартир в аренду (проект архитектора).

На углу улиц Торговой и Софиевской, по словам моей бабушки, располагалась военная часть, на территории которой находилось несколько административных зданий и полковая церковь. Военную часть расформировали, церковь снесли, а землю приобрел Александр Петрович Русов. Евгения Георгиевна очень гордилась тем, что ее квартира № 27 в доме № 13 по Софиевской улице располагалась там, где был купол и крест полковой церкви.

Моя мама, я и моя сестра родились в доме № 13 в квартире № 21 по ул. Софиевской. Во время войны, а именно во время оккупации Одессы, румыны переселили нас в дом № 9, кв. № 9 по ул. Софиевской. К сожалению, пожилые люди, которые жили в этой квартире до войны, из эвакуации не вернулись.

Евгения Георгиевна Тарасова была управляющей этими домами. Она окончила еще в конце XIX века Мариинскую гимназию, что на ул. Толстого, училась хорошо, по окончании гимназии стала помогать своей матери Хариклии Ивановне (родной сестре матери А.П. Русова) в управлении домом по ул. Нежинской, 40, и получила предложение от А.П. Русова управлять его домами.

Е.Г. Тарасова (Георги)

Евгению Георгиевну Тарасову я и моя покойная сестра-близнец считали своей бабушкой и очень обижались, когда ее называли нам «чужой».

Родная наша бабушка Полина Эдуардовна Курносова (мама нашей мамы) умерла в 1942 году, в самый разгар оккупации Одессы. Она заболела еще до войны. Ее болезнь была причиной, по которой мама с нами, маленькими близнецами на руках, не могла выехать в эвакуацию. Евгения Георгиевна дружила с нашей бабушкой и после ее смерти заменила нам ее. Она крестила меня и мою сестру и заботилась о нас, как о родных ей внуках.

Когда моя сестра заболела, я находилась у Евгении Георгиевны. Из ее рассказов я знаю, что Александр Петрович Русов получил в наследство миллион рублей золотом. Из одного миллиона он сделал шесть миллионов, причем честно выплачивал налоги в казну государства.

Александр Петрович был большой любитель красивых вещей и картин. Там, где теперь стоит Дом одесских художников, на ул. Торговой, 2, стоял его дом, разрушенный во время войны. В этом доме до революции 1917 года находилась картинная галерея А.П. Русова. В ней экспонировалась и картина Айвазовского «Стрижка овец».

Дом А.П. Русова на ул. Торговой, № 2, выходил на море, и даже рабочий кабинет Русова смотрел на море и на террасы на склоне, спускавшиеся на ул. Приморскую. Дом на Приморской, под склоном, тоже был домом Русова. На террасах на склоне был прекрасный сад.

Как-то бабушка зашла к Александру Петровичу, когда тот был уже болен, надо было ей решить кое-какие организационные вопросы, в саду работал молодой садовник, плечистый крепкий парень, и Александр Петрович сказал: «Я бы отдал все свое богатство этому парню, чтобы поменяться с ним здоровьем». В 1908 году Александр Петрович Русов скончался.

После смерти Александра Петровича и до 1919 года Евгения Георгиевна служила у его сыновей, которые вместе со своей единственной сестрой эмигрировали за границу.

Евгения Георгиевна была женой царского офицера Василия Семеновича Тарасова. Он был военным топографом, но несмот-

ря на это, не избежал участи многих царских офицеров. Он был расстрелян представителями советской власти в 1920 году.

В семье Евгении Георгиевны было много горя. У Евгении Георгиевны было трое детей, до наших дней (до 1977 года) дожил только один сын Александр Васильевич, который с отличием окончил гимназию, но поступить в институт как сын расстрелянного царского офицера не смог. Он работал счетоводом в одном из одесских банков и жил со своей женой отдельно от Евгении Георгиевны.

Потеряв до революции двоих детей, а во время революции мужа, бабушка свою жизнь посвятила воспитанию меня, моей сестры и воспитанию Аллочки Бехкис, родители которой чудом были спасены из гетто знакомыми бабушки, в частности, священником церкви на одесской Слободке.

Аллочка тоже очень любила бабушку, теперь она с семьей живет в США и воспитывает долгожданную дочь.

Во время оккупации Одессы к Евгении Георгиевне из Франции через Румынию приезжала дочка А.П. Русова Тереза Александровна. Сохранилась ее фотография того периода. По словам бабушки, Тереза окончила Мариинскую гимназию в Одессе, хорошо знала немецкий и французский языки, а во Франции работала в одной из православных церквей. О ее дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

К сожалению, нет уже на свете нашей бабушки (она скончалась в 1962 г.), нет уже и моих родителей, нет и моей сестры-близнеца. А дома Русова стоят как памятники культуры нашего города и как результат патриотического отношения к нашему любимому городу богатых меценатов-греков.

О моих предках

Часто, беседуя с друзьями о нашем прекрасном родном городе Одессе, я задаю себе вопрос: «А одесситка ли я?». И однозначно отвечаю: «Конечно, да!».

Здесь, в Одессе, родились я и моя сестра-близнец, здесь родились мои родители, мои дети и внуки.

Однако мой дедушка по отцу Николай Викторович Аксентьев родился в 1862 г. в Петербурге в семье военных меди-

ков. Когда ему исполнилось пять лет, родители его погибли, и дедушка остался сиротой. Его воспитало и выучило российское государство за счет фонда министра Аракчеева. До семи лет дедушка жил в приюте, а затем занимался и жил в корпусе военно-медицинского училища при Адмиралтействе. Он окончил училище, где получил диплом фельдшера и врача-дантиста. Несколько лет он работал фельдшером в военных частях под Петербургом и Москвой. В Московской губернии он встретил свою любовь – дочь священника старообрядческой церкви Анну Несторовну Кирееву (родилась в 1865 г.) и женился на ней. Но не все хорошо складывалось: у моей бабушки оказалась открытая форма туберкулеза. Чтобы спасти жену и семью, дедушка ходатайствовал перед военным начальством о переводе на юг. Ходатайство было удовлетворено, и дедушка с бабушкой в 1889 году переехали в Одессу. Дедушка стал работать заведующим фельдшерским пунктом на железнодорожной станции Одесса-Товарная, там же получил маленький домик, в котором с 1889 по 1907 годы у бабушки с дедушкой родилось шестеро детей. Самым младшим был Георгий, который родился в январе 1907 года. Это был мой отец.

Родители моей мамы Антонины Константиновны Аксентьевой-Курносовой тоже приехали в Одессу в начале XX века. Отец мамы Константин Николаевич Курносков родился в Сумах в 1855 году, в семье дворянина. Окончил гимназию в Сумах и поступил на юридический факультет Харьковского университета, который окончил в 1880 г.

Встретились бабушка с дедушкой в городе Дубно Волынской губернии, куда дедушка был направлен в качестве помощника судьи. Мой прадед был нотариусом в Дубно, у него было 18 детей, самой младшей из них была моя бабушка Полина Эдуардовна Борович.

Затем мой дедушка был направлен судьей в Одесский окружной суд. Он женился на моей бабушке и перевез ее в Одессу. Они поселились в доме на ул. Софиевской, № 13. Моя Бабушка была очень общительной и сразу подружилась с управляющей дома Е.Г. Тарасовой. Позже в этом же доме, только этажом ниже по-

селилась семья Кохрихтов, о которой моя бабушка всегда говорила очень тепло.

А в 1907 году у моих дедушки и бабушки родилась единственная дочь – моя мама, Антонина.

О наших соседях

В нашей семье никогда не разделяли людей по национальности. Бабушка, мама и папа учили меня и сестру, что есть только две национальности – это хорошие люди и подлецы.

Если бы наша бабушка дожила до сегодняшнего времени, она определенно была бы причислена к праведникам мира, так как во время оккупации она старалась спасти своих друзей евреев от гибели. Она спасла семью Бехкисов, но как это было, я не знаю.

После революции, когда расстреляли бабушкиного мужа и бабушку уплотнили (поселили в одну комнату), рядом с ее комнатой поселили семью из трех человек. Главой семьи была Екатерина Петровна Ващенко, сын ее, Николай, был женат на Салечке (как ее называла бабушка). Салечку бабушка во время оккупации спасла на Слободке у слободского священника и на Большом Фонтане. Но нашлись «добрые люди», которые наслали на Салечку облаву с собаками, и Салечку увезли в гетто. Бабушка, вспоминая Салечку, всегда плакала.

Многие люди из старшего поколения не верили, что их могут уничтожить, – так у меня на слуху арендовавшие еще до революции «хлебный магазин» под бакалейную лавку семья Рязанских, семья Кохрихтов и семья Бабских. Последние дали своему сыну медицинское образование в Германии. Александр Бабский был прекрасным врачом, единственным сыном четы Бабских. Он был участником Великой Отечественной войны, на фронте был хирургом, и приехав с фронта, не застал стариков родителей в живых. Он умер где-то в конце 50-х годов от инфаркта, еще до смерти бабушки.

Рязанские были милейшие и честнейшие люди. Как рассказывала бабушка они, например, помогали людям в труд-

Довоенное фото дома на Софиевской, 13

ные годы нэпа, давали людям продукты в долг, а то и совсем бесплатно, сочувствовали обедневшим, обездоленным и преследуемым дворянскими семьям.

Однако во время войны, когда бабушка предлагала этим старикам свою помощь, они отказывались ее принять. Они верили, что им, старикам, ничего немцы и румыны не

сделают. Но фашисты оказались хуже зверей. В один из дней холодного марта 1942 года из всех домов Русова по Торговой и Софиевской улицам румыны согнали всех жильцов во двор 13 номера по Софиевской, чтобы те наблюдали ужасное зрелище – угон евреев в гетто. До конца жизни моя мама бабушка Женя вспоминала этот ужас со слезами, а сделать что-то было невозможно, так как под угрозу ставилась жизнь не только того человека, который пытался спасти, но и всей его семьи. Спасать надо было заранее. А как? Ведь всегда находились доносчики, которые, чтобы спасти себя, выдавали других. Многие из них убежали с румынами, когда почувствовали скорую победу наших войск.

В таком смысле трагична судьба главы семьи Кохрихтов, С.Ю. Кохрихт. Она овдовела еще до революции. До октябрьского переворота ее супруг был владельцем ювелирных мастерских и ювелирного магазина в «Пассаже». Он поддерживал бедные еврейские семьи, давал образование и профессию детям из бедных семей. После его смерти супруга продолжала его дело.

Семья Кохрихтов была нашими соседями по Софиевской, 13. Мы жили на четвертом этаже, а Кохрихты жили под нами – на третьем, в угловой квартире над бывшим хлебным магазином.

Интересно, что я, моя сестра и младший сын Кохрихтов Феликс Давидович родились в одно время. Наши мамы гуляли вместе, поэтому у меня всегда на слуху было это имя.

Вспоминаю, как мама и бабушка рассказывали, что младшие Кохрихты уехали, а бабушка С.Ю. Кохрихт осталась в Одессе. Знакомые ее спрятали, но нашелся человек, дворник из № 11 по Софиевской, который выдал ее. Румыны расправились с ней, облив на морозе холодной водой. Вот какими зверями оказались «культурные» нации в центре Европы.

День освобождения Одессы

68 лет мира без войны – какое счастье! Мне сейчас 72 года, а когда наступил мир на одесской земле, когда освободили Одессу, мой возраст (3 года и 9 месяцев) позволил мне запомнить все до малейших подробностей, как это было.

Утром 9 апреля 1944 года мама из крохотных тогдашних запасов муки пекла коржики и шила мне с сестрой лифчики для чулочков. Лифчики были из белой ткани, сложенной вдвое, между полотнами была зашита записочка с датой моего рождения и с великой просьбой вырастить меня и сестру, если мы попадем в чужие руки. На лифчике были пуговицы с настоящими аметистами в серебре. В записочке говорилось: «Люди добрые, не оставьте этого ребенка, вырастите его, он из хорошей семьи и будет вам опорой в старости, пуговицы от лифчика не теряйте! Заранее благодарю Вас и Господа! Мама».

Мама готовилась к страшной ночи с 9 на 10 апреля. 9 апреля румынская администрация передала приказ о том, чтобы ворота в домах на ночь не закрывали, что будут бои, а люди боялись, что их угонят в Германию или в Румынию, поэтому решили спрятаться в подвалах. Тот подвал, в который нас увела мама и в котором были дети со всего двора, имел выход к морю. Было решено дежурить женщинам по очереди у раскрытых ворот, чтобы дать сигнал и увести детей, и самим уйти через потайной ход к морю.

Часам к восьми вечера мама одела нас, в рюкзак сложила кое-какие наши вещи, в мешочек положила напеченные коржики и, взяв раскладушку, отвела нас в подвал. Там на раскладушке я и сестра через какой-то час уснули. А мамы детей и наша

мама всю ночь не спали. Они попеременно дежурили у ворот. На улице слышались то перестрелка, то иностранная речь, но, слава Богу, как рассказывала мама, никто в ворота не заходил. Где-то далеко слышались пушечные выстрелы, налетов авиации на город не было, но небо иногда озарялось лучами прожекторов. И вдруг часов в шесть утра, когда уже рассвело, мы с сестрой проснулись от маминого радостного возгласа, мама вернулась с дежурства, и крестясь, вскрикнула: «Наши пришли! Ура!».

Оказывается, все слышалась и слышалась иностранная речь, а затем мама услышала русский мат. Как она обрадовалась! Обратилась солдатам, которые ругались, они ответили, что они свои, и за ними идет целый обоз, что операция по освобождению Одессы закончена. Мама, радостная, прибежала в подвал. Из рюкзака с вещами мама вынула две пачки махорки, нас одела, дала мне и сестре по пачке и вывела нас на улицу. К тому времени уже по обеим сторонам улицы толпились люди, они встречали наших изможденных освободителей. Освободители были уставшие, в мокрых одеждах, с автоматами наперевес и с закрученными шинелями.

Я и сестра подбежали к одному из таких изможденных бойцов и отдали ему махорку, он поблагодарил и с радостью поднял мою сестру на руки, по-отечески ее обнял и поцеловал, я же прижалась к его ноге. Увидев слезы на глазах у мамы и еще глубоко не понимая их смысла, я и сестра тоже начали плакать, но мама нас быстро успокоила, показав лошадей, которые на подводе везли пушку, – таких подвод было несколько. Большой отряд бойцов шел по нашей Софиевской улице. Замыкая отряд наших, шел отряд из пленных немцев и румын, руки у них были связаны за спиной, и они, в отличие от наших бойцов, шли с поникшими головами и без оружия. Впереди и позади них шел конвой из наших красноармейцев.

Вот самое яркое и незабываемое впечатление моего военного детства.

